

Философские науки

УДК 1(091)

А.В. Седова

Седова Анастасия Владимировна, студентка 3 курса Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, ул. Чернышевского, 3), e-mail: anastasiasedova33@gmail.com

Научный руководитель: **Торопов Павел Борисович**, кандидат педагогических наук, доцент Института образования Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, ул. Чернышевского, 3), e-mail: PТoropov@kantiana.ru

ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ В ТРУДАХ Н.А. БЕРДЯЕВА, С. КЬЕРКЕГОРА И А. БАДЬЮ

В статье рассматривается тема свободы в произведениях Н.А. Бердяева, С. Кьеркегора и А. Бадью, делается попытка найти точки пересечения в их теориях и концептах, взаимодополнения. Освещаются следующие вопросы: в каких отношениях находятся свобода и мораль, свобода и духовность, материализм и свобода.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, свобода, С. Кьеркегор, А. Бадью, духовность.

A.V. Sedova

Sedova Anastasia Vladimirovna, 3rd year student of the Immanuel Kant Baltic Federal University (3, Chernyshevskogo st., Kaliningrad), e-mail: anastasiasedova33@gmail.com

Research supervisor: **Toropov Pavel Borisovich**, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Institute of education of the Immanuel Kant Baltic federal university (3, Chernyshevskogo st., Kaliningrad), e-mail: PToropov@kantiana.ru

THE CONCEPT OF FREEDOM IN THE WORKS OF N.A. BERDYAEV, S. KIERKEGAARD AND A. BADIOU

The article examines the theme of freedom in the works of N.A. Berdyaev, S. Kierkegaard and A. Badiou and attempts to find points of intersection in their theories and concepts, mutual complementarity. The following questions are highlighted: what can be called free, in what relations are freedom and morality, freedom and spirituality, materialism and freedom.

Key words: N.A. Berdyaev, freedom, S. Kierkegaard, A. Badiou, spirituality.

В русской философии традиция экзистенциализма занимает особое место. Такой автор, как Николай Александрович Бердяев, известен не только в стенах философских факультетов, но и за их пределами как писатель и мыслитель. Феномен популярности, известности состоит в ее влиянии на общество, поэтому важно обратить внимание на концепты такого крупного философа. Кроме того, в данной статье мы также обратимся к взглядам основоположника экзистенциализма – Серена Кьеркегора, датского философа.

Как считается, экзистенциалистов волнует прежде всего свобода: что в ней самое пленительное и убеждающее встать на ее сторону? Как свобода соотнобразуется с творчеством и Божьим законом? Возможно ли вообще оставаться глубоко религиозным человеком и при этом быть свободным? Все эти вопросы были затронуты Бердяевым и Кьеркегором, они широко осветили разнообразные стороны этих феноменов.

Бердяев заявляет, что философия свободы – это философия свободных; «свободная философия есть философия религиозности» [2, с. 12]. Кьеркегор высказывает похожие положения: свободен только религиозный субъект. Авраам, выступая как индивид, противоположный своему обществу и в этом смысле свободный, в конечном счете приходит к послушанию Богу и Его Закону как источнику Блага, ведь он стал Отцом Веры. Для приверженности Благу он должен был стать сперва свободным субъектом [4, с. 52].

Итак, Авраам – пример свободного субъекта. Свободным его делает то, что он не идет за толпой и способен учредить новый Закон. Об этом говорит один из фрагментов предисловия к «Страху и Трепету» [4, с. 9], в котором перечисляются атрибуты «свободного творца»: он способен не следовать какой-то системе и даже не обещать, что создаст свою, главное для него – творчество. Тем самым, отрицая уже существующий Закон, у него появляется шанс на то, чтобы его свобода стала почвой для Закона нового. Изменить что-то могут лишь те, кто предпринимает попытку оного, и неважно, путем аскезы или изменения мышления (в том числе коллективного, то есть установление новых парадигм).

Свободу нельзя ни из чего вывести, можно лишь изначально пребывать свободным субъектом [2, с. 12]. Кьеркегор для демонстрации своей точки зрения на конечное и бесконечное приводит дом, который полностью принадлежит человеку. В нем подвал – это чувственный опыт, в то время как высшие этажи – разум и Истина. Люди чаще всего предпочитают жить в этом подвале, хотя им принадлежит весь дом. В подвале нет окон, которые позволяли бы желанию и свободе выглянуть наружу в поисках бесконечного (то есть как раз стать свободным субъектом). Лишь те, кто выбрал бесконечное, обрели полную свободу.

Почему же некоторые индивиды даже не заглядывают на верхние этажи? Бердяев заявляет, что рабство безопасно, в отличие от свободы [2, с. 52]. По мнению философа, вера в Бога – настоящая свобода, так как она существует не благодаря воздаянию или доказательствам Его бытия, а

потому только, что человек хочет в Него верить, несмотря на все санкции со стороны общества (например, обвинение в безумии). Именно это и делает свободу небезопасной. Данное суждение Бердяева, на наш взгляд, созвучно идее Кьеркегора о различии страха перед Господом свободного человека и бесов.

Однако быть безумцем в глазах общества еще не означает быть свободным субъектом. Негативная свобода заключается в том, что сопротивление общепринятым правилам поведения и морали становится самоцелью. При этом раскаяние как отрицание или признание в себе чего-то, чуждого обществу, чего следовало бы не допускать к сознанию, не дает свободы, – замечает Кьеркегор [4, с. 237]. Единственное, что дает человеку свободу – это обесценивание чего-либо. Эта мысль близка к суждению Фрейда, который позже заявит, что отрицание – это другая полярность признания, которое вовсе его не устраняет [6, с. 400-402].

У Бердяева иная позиция: для него безумие в миру – это настоящая свобода от него, к тому же так индивид становится ближе к Богу [2, с. 35]. Можно сказать, свобода – это отсутствие трусости, обязанности играть определенную роль в обществе, жить и разуметь определенным образом. В этом смысле наука, по Бердяеву, есть высшая несвобода, поскольку она навязывает свои требования научности и академичности к любой области знаний. Эти критерии к образу мысли, несогласие с которыми вешает на человека ярлык «безумного» или «чудака» – и есть та ограничительная сила для человека, убивающая его свободу и, в конечном счете, его самого как личность [2, с. 42]. В конце концов, Бердяев подытоживает свое суждение выводом: «[научное] Знание – принудительно, вера – свободна» [2, с. 45].

Вернемся к кьеркегоровской метафоре дома: находясь во власти материального мира – на нижних этажах, – человек никогда не станет свободным [2, с. 67], так как становится рабом собственных чувств. Отринув духовное, он сам лишает себя свободы – свободы выбирать между чувственным миром и миром другим (например, духовным). Давая общее

определение свободы по Бердяеву, можно сказать, что она представляет собой возможность выбора. Здесь он вступает, как может показаться, в противоречие с самим собой: если у человека этот выбор есть (а он есть теоретически), но он выбирает чувственное, то почему же он несвободен? С таким же успехом можно перевернуть эти позиции и заявить, что православие – это несвобода, так как оно отвергает чувственное и ограничивает себя духовным опытом. Нам следует сразу прояснить этот вопрос, показав, что суждение Бердяева вовсе не противоречиво. Философ выступает не за выбор между одним и другим, а за цельность Жизни. Так, Бердяев заявляет, что внутренний мир человека должен включать в себя и чувственное, и духовное (в самом религиозном смысле) [2, с. 76].

Однако существуют и ситуации, в которых «вбирать в себя все» не получится: Кьеркегор в своем письме о древнегреческих трагедиях затрагивает тему Антигоны [3, с. 189-191]. Ее свобода проявляется в том, что она находится, по выражению Жака Лакана, меж двух смертей – предательство этического закона, который велит ей похоронить брата, либо смерть от неповиновения Креону. В подобном выборе и проявляется свобода. Тем более, если оба решения приводят к смерти, не от богов, так от людей. Вероятно, Кьеркегор и определял свободу как выбор «или-или», отсылая к названию своего одноименного сборника произведений. В своем исследовании аспекта трагического Кьеркегор заявляет, что человек, даже поступая, на первый взгляд, свободно, всегда остается в рамках норм и правил, будь то государственные законы или моральные системы (и дилемма Антигоны это подтверждает).

Однако Кьеркегор считает, что не вся свобода подлинна и благотворна, особенно когда грех берет ее к себе в союзники [4, с. 139]. По словам философа, «демоническое – это вовсе не свобода» [4, с. 239]. Если мы поступаем демоническим образом (это и будет примером негативной свободы), противимся правде и добру, какими бы они ни были, мы зависим от моральных установок (признание через отрицание).

Чтобы осветить позицию Кьеркегора относительно истинной свободы и негативной, обратимся к изложенному в «Страхе и трепете». Философ пишет: «Я – это свобода. Однако свобода – это диалектика двух категорий – возможного и необходимого» [4, с. 306]. Здесь снова явно прослеживается гегельянство Кьеркегора: из своего определения свободы он берет на вооружение категорию необходимого, однако ею вовсе не ограничивается. Если еще и вспомнить, что концепт Гегеля – медиация – служит тому, чтобы разрешить противоречия через «опосредование», мы придем к разгадке понятия свободы у Кьеркегора: оно не противоречит общественному благу, Закону с большой буквы, так как сводится к нему.

Что касается Бердяева и его концепта отношений между свободой и необходимостью, то он считает, что первое есть причина второго [2, с. 65]. То, что является для человека необходимым, может даже привести к зависимости как следствию злоупотребления свободой. Эту мысль можно выразить так: мы сами выбрали, что нам делать, и сами к этому привыкли, а привычка стала для нас фундаментальной, и мы уже не можем помыслить себя без нее. Тем не менее, вещи эти во многом противопоставлены друг другу. Так, необходимое кажется нам бременем, в то время как приносящее удовольствие воспринимается как свободный выбор. Даже радуясь за других, мы признаем в них часть себя, принадлежность к Своему.

Бердяев заявляет даже о противоположности свободы и необходимости [2, с. 13-16] на примере магии и мистики, якобы в магической религии человек вынужден считаться с необходимостью магических ритуалов. Мистицизм, как путь религиозного субъекта, заключается в том, что его религия «направлена внутрь»: он отдает предпочтение молитвам, а не добродетели. Бердяев заявляет, что добродетельные поступки могут быть полезны для общества, они видны другим людям, в то время как мистицизм «скрыт» от посторонних глаз. В этом, по мнению философа, и состоит свобода. Свобода для Бердяева – это заявлять нечто новое, а не комментировать уже существующее. То есть определенная оригинальность и

дерзость говорить самому и за себя, которая не нуждается в ссылках на авторитеты. Тем не менее, и он признает, что для свободы требуется достаточно ответственности: это необходимое условие свободы, иначе человек пребывает в чужой ответственности, в чужом законе, то есть несвободен. Источник свободы – та уверенность, что приобщает к Богу в лице Церкви или мистики. Человек осознает, что не быть причастным к Божественной Истине или предать Христа – намного хуже, чем быть оклеветанным слепцами. Это суждение созвучно идее бесконечности у Кьеркегора.

Возвращаясь к вопросу риска и безопасности свободного субъекта, датский философ говорит, что Авраам, будучи единичным индивидом [4, с. 71], человеком свободным от общественной морали (но отнюдь не от Этики), разбивает суровостью своей жизни предрассудок о том, что быть свободным человеком так уж просто. При этом точка зрения, что свобода порождает Закон, иносказательно выражается и в этом суждении: единичный индивид не должен быть ошибкой для заблудшего, а наоборот, быть воротами к всеобщему. То есть он не говорит: «Живи свободно, как Я». Он говорит: «Живи, как Я». В этом кроется вся тонкость свободного субъекта, которая, возможно, требует дальнейших объяснений. Можно сказать, что свободное действие только то, за которое субъект сам несет ответственность [4, с. 80].

Та сторона демонического, которая делает субъекта несвободным – это боязнь последствий. Кьеркегор здесь обращается к посланию Иакова (2:19): «Ты веруешь, что Бог един: и правильно делаешь; и бесы веруют, и трепещут». Дальше он упоминает, что «свободным человека делает лишь истина» [4, с. 258-259] в том смысле, что он принимает какое-то положение, потому что верит в него, а не из страха наказания. Именно этой свободой – верить или не верить – и определяется истина, когда субъекту ничего не грозит, в отличие от принуждения и навязываемого знания. Кьеркегор называет это отсутствием внутреннего смысла [4, с. 261].

Последствия и ответственность – это еще одно условие свободы человека, по мнению Кьеркегора. Одиночество и беззаботность [4, с. 123], игнорирование выгоды и возможных наказаний как отрешение от негативных последствий – вот характеристика свободного действия. Это важное дополнение, так как свобода не отрешается от последствий совсем – будущее также волнует свободного человека [4, с. 136], и волнует больше всего, иначе зачем ему эта свобода?

Затрагивая вопросы свободы и религии, Бердяев пишет о том, что автономность новой философии, ее отчуждение от религии стало фатальным, привело к пустоте, воплотилось в массовой актуализации влечения к смерти [3, с. 269-273]. По мнению Бердяева, религия должна быть частью субъекта, а Бог должен стать для него живым. Таким Он может быть только тогда, когда человек не отделяет Его от мира, творит вместе с Ним.

Но что хуже в отрицании Бога, объективировании Его и отклонении моральных ценностей, так это пустая «свобода» [2, с. 126-130]. Лишившись моральных ценностей и норм, человек пускается в самые разнообразные переживания, разрушает себя. Он больше не может творить, он может только «переживать чувства» и отдаваться во власть настроений. Необходимость живого Бога здесь и доказывается тем, что Его место может быть занято чем угодно – божками вроде категорического императива или определенными аффектами (например, счастьем и эйфорией).

Что касается французского философа Бадью, то он связывает понятие свободы с понятием этики. Этика с нечистой совестью (по Ницше) губит свободу, так как вовсе не заинтересована в свободе ближнего, а нацелена лишь на благополучие того, кто ее учреждает. Другие концепты в области этики, альтернативные мнения всегда угрожают господствующей идее занять ее положение [1, с. 51-57].

По Бадью, субъект встречается с Истиной там, где существует «имманентный разрыв» и происходит освобождение от привычного порядка вещей. Именно концепт избирательности и описывает Истину, так как она не

удерживает Закон, который перестал быть актуальным, а просто отклоняет, нейтрализует его. Но даже если субъект усиленно будет продолжать следовать «старой этике», тем самым он только навредит себе (отвергая категории Желания, Актуального), и этому «отжившему» Закону. Произойдет акселерация краха, так как само вытеснение Актуального устроено таким образом, что чем дольше оно длится, тем труднее его сохранять.

Представления о счастье, в отличие от Истины, вовсе не делают человека свободным, когда он отказывается от Бога или определенных моральных установок, которые этому счастью противоречат. Он начинает раболепно исполнять «веления» счастья. Желание, в котором заключается свобода, ограничивается этикой, Законом. Бадью замечает, что даже смерть попадает под табу, так как сама ее идея (конечности, риска, что существование может оказаться бесцельным) составляет угрозу порядку вещей. Этим и доказывается исходное положение об этике нечистой совести – ради сохранения своего господствующего положения этика может отказаться от идеи Истины.

Таким образом, философия Бердяева во многом созвучна философии Кьеркегора, но имеет свою национальную специфику (уклон в православие). Несомненно, оба философа негативно относятся к сфере чувственного опыта, и свободу ценят исключительно духовную – отрешенность от мира, аскетизм.

Свобода, по мнению философов – это всегда ответственность за действие. Именно когда человек готов понести ответственность за свои деяния, они имеют ценность. Подлинную свободу, согласно Бердяеву и Кьеркегору, дает творчество, связанное с такими категориями идей как Актуальное и Желание. Свобода также не может быть свободой вопреки воле другого человека, иначе это было бы чем-то «демоническим» (как утверждает Кьеркегор), и субъект стал бы рабом чужой воли. Свобода должна быть, напротив, смелой, чтобы обособиться от других и выразить свою собственную волю.

Список используемой литературы:

1. *Бадью, А.* Этика: Очерк о сознании Зла / А. Бадью; пер. с франц. В.Е. Лапицкого. – СПб.: изд-во Machina, 2006. – 126 с.
2. *Бердяев, Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
3. *Кьеркегор, С.* Или – или / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н.В. Исаевой, С. Исаева. – СПб.: изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии. – Амфора. ТИД Амфора, 2011. – 823 с.
4. *Кьеркегор, С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н.В. Исаевой. – М.: Культурная революция, 2010. – 488 с.
5. *Лейбниц, Г.В.* Сочинения в 4 т. / Г.В. Лейбниц; пер. с франц. Б.Э. Быховского, Г.Г. Майорова, И.С. Нарского. – М.: Мысль, 1989. – 554 с.
6. *Фрейд, З.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Психология бессознательного / З. Фрейд; под ред. А.М. Боковикова и С.И. Дубинской. – М.: ООО «Фирма СТД», 2006. – 449 с.